

В. Ж. Цветков

Судебная вертикаль власти в политико-правовой системе Белого движения: особенности организации гражданской и военной юстиции в 1918–1920 гг.*

Восстановление судебной власти, определение ее статуса в изменившихся условиях революции и Гражданской войны стали важнейшими направлениями политического курса российского Белого движения, что неоднократно декларировалось военными лидерами, ведущими политиками в различных регионах.

История судебной системы Белого движения в целом еще недостаточно разработана в современной историографии. Ряд положений данной статьи публиковались в монографии автора¹. В соавторстве с А. В. Лубковым автор обобщил правовые особенности организации власти в белом тылу в 1918–1922 гг.²

Белыми правительствами провозглашалось восстановление принципов судебной реформы 1864 г. Структура восстанавливаемой судебной власти фактически повторяла сложившуюся за период 1864–1917 гг. систему судебных учреждений: мировые суды, мировые съезды и особые мировые присутствия, окружные суды (для нескольких уездов), судебные палаты (для губерний и областей). При окружных судах и судебных палатах восстанавливались судебно-следственные органы и прокуратура, институт присяжных и частных поверенных (адвокатура), а также суды присяжных. Предполагалось также восстановление системы

***Цветков Василий
Жанович***
доктор исторических
наук, профессор,
Московский
педагогический
государственный
университет (Москва,
Россия)

административных судов, введенных в 1917 г. соответствующими распоряжениями Временного правительства.

В Сибири восстановление судебных органов стало одним из первых актов новой власти, возникшей после «падения большевизма». Томская судебная палата стала основой восстановления сибирской судебной системы (в ее состав первоначально входили Омский, Томский, Барнаульский, Тобольский, Семипалатинский окружные суды). В Приказе кратко определялись принципиальные условия восстановления. Прежде всего, ликвидировались все «образованные советской властью судебные установления» и от исполнения обязанностей «немедленно устранялись» все «члены народного суда». Советский суд упразднялся полностью. Вторым пунктом провозглашалось, что «впредь до созыва Учредительного Собрания и до принятия последним закона о суде все судебные учреждения, установления, действовавшие при Временном правительстве до упразднения их советской властью, возобновляют свою деятельность». Восстановление судебной системы должно было происходить на основе уставов 1864 г. и «прочих законов, действовавших при Временном правительстве», с «теми изменениями, какие могут быть сделаны Сибирскими временным правительством или Западно-Сибирским Комиссариатом». При этом следовало учитывать и произошедшие в стране «революционные перемены»: «Судебные деятели должны проникнуться широким пониманием происшедших с 28 февраля 1917 г. событий и учитывать установленные революцией начала, соответствующие интересам демократии и духу времени». В отношении мировых судей предполагалось проведение городскими и земскими учреждениями (в ближайшее время) выборов в местные суды. До выборов все члены мировых судов, окружных судов, судебные следователи, прокурорский надзор, нотариусы могли назначаться решениями Комиссариата или «по представлению Общего собрания окружного суда», или «по собственной инициативе».³

Аналогичное по содержанию постановление было принято Советом Министров Временного Сибирского правительства (далее — ВСП) 6 июля 1918 г.⁴ Согласно ему «уничтожение судебных установлений советской власти», «возобновление всех судебных учреждений и установлений», «руководство Судебными уставами 1864 г.» распространялись теперь на территорию всей Сибири и Дальнего Востока. Что касается уголовных и гражданских дел, начатых революционными трибуналами или окружными народными судами при советской власти, то их ведение передавалось в соответствующие инстанции восстанавливаемых окружных судов, а уже вынесенные приговоры, определения большевистских судов отменялись определениями подлежащих компетентных судов. Уголовное делопроизводство трибуналов и следственных комиссий следовало рассматривать как внесудебный материал. Период советской власти признавался как перерыв в сроках ведения уголовных и гражданских дел.

В условиях, когда под контроль Сибирского правительства переходили занятые белыми войсками земли Южного Урала, Саратовская судебная палата не была восстановлена (Саратов на протяжении всей Гражданской войны был под советской властью), а на территории Оренбургского казачьего войска еще не были созданы мировые суды, под контроль созданной Омской судебной палаты был временно переведен Троицкий окружной суд и мировые судебные установления

в городах Троицке, Челябинске, Верхнеуральске Оренбургской губернии и Кустанае Тургайской области (Постановление Совета министров ВСП от 18 июля 1918 г.). Иркутская судебная палата была восстановлена в составе Иркутского и Красноярского окружных судов⁵.

Подобные акты присоединения к ближайшим действующим судебным округам утверждались позднее и Российским правительством адмирала А. В. Колчака, исходившего из необходимости восстановления судебной системы, единства и правопреемственности в осуществлении законодательства на всей территории, контролируемой белой властью.

Низовые судебные инстанции («для сельского населения») предполагалось временно обеспечить структурами создаваемого волостного земского суда, который имел апелляционную комиссию для местных судов и возглавлялся мировым судьей. Местное судопроизводство предполагалось восстановить на основе преемственности от законов Российской империи и Временного правительства с учетом законодательных актов от 15 июня 1912 г. и 4 мая 1917 г. Планировалось также ввести на всей территории Сибири суды присяжных (их не было в Иркутском округе). 10 января 1919 г. введение суда присяжных на территории Сибири было подтверждено Постановлением Совета министров Российского правительства. Предполагалось также введение туземных судов «для туземных народностей, проживающих в пределах Сибири и управлявшихся в своих делах по своим обычаям»⁶.

Аналогичные процессы восстановления судебной системы происходили и на белом Юге России. К моменту окончания 2-го Кубанского похода (осень 1918 г.) Добровольческая армия контролировала большую часть Ставропольской и Черноморскую губернии. По мнению начальника управления юстиции Особого Совещания В. Н. Челищева, не было сомнений в том, что судебные учреждения могут быть восстановлены в том виде и в том составе, в каком они работали до 25 октября 1917 г., чтобы «установить непосредственную преемственную связь восстанавливаемого в освобожденных местностях порядка с законами, действовавшими до большевистского переворота». В июле 1918 г., после занятия Ставрополя, Деникин указал, что «действующими признаются все законы, изданные до 25 октября 1917 г., доколе таковые не будут отменены или изменены». Следовало не «возвращаться к дореволюционному периоду», а только отменить то, что принесла с собой «большевистская контрреволюция»⁷.

В Ставрополе были восстановлены окружной суд и мировые судебные установления, укомплектованные судьями, избранными согласно закону Временного правительства. Для полноценной работы требовалось восстановление высших структур системы — судебной палаты и Сената. Ставропольский суд подчинялся Новочеркасской судебной палате, которая хотя и была восстановлена, но считалась судебной инстанцией Всевеликого Войска Донского. В этих условиях решено было временно создать «из состава Ставропольской магистратуры и прокуратуры» апелляционную инстанцию «с функциями судебной палаты» и кассационную с «функциями Сената». Но «единство русского суда» и интересы профессионализма требовали отказа от подобной «самодеятельности» и подчинения Новочеркаску. Управление юстиции с согласия Деникина пошло на утверждение этого подчинения, и прежняя субординация была возрождена. На территории белого Юга

к осени 1919 г. были восстановлены прежние судебные палаты, насколько это было возможно в рамках отмены военного положения и восстановления гражданского судопроизводства: Киевская (Киевская и часть занимаемых Вооруженными силами Юга России (далее — ВСЮР) уездов Волынской, Черниговской и Могилевской губерний), Одесская (Херсонская, занятые ВСЮР уезды Подольской и Таврическая губернии) и Харьковская (Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Воронежская, Курская и занятая ВСЮР часть уездов Орловской губернии)⁸.

В организационном оформлении применялись и новации, обусловленные Гражданской войной и нестабильностью тыла. Так, восстановленный в феврале 1919 г. Владикавказский окружной суд формально подчинялся Тифлисской судебной палате, однако, учитывая факт провозглашения «независимости» Грузии, его пришлось переподчинить Новочеркасской судебной палате. Во Владикавказе столкнулись с фактом участия практически всего состава магистратуры и мировых судей в органах советской власти. Здесь был создан Союз юристов, представлявший интересы судебных служащих перед Владикавказским ревкомом, издавшим специальный Декрет «О мобилизации юристов» с соответствующей ответственностью «за дезертирство и саботаж» в случае отказа от сотрудничества с новой властью. В результате управлением юстиции Особого Совецания было решено оправдать членов окружного суда, как «действовавших под давлением непреодолимой силы», т. е. большевистского декрета. Тем не менее дисциплинарные расследования, проведенные Сенатом, показали, что лишь единичные факты подтверждали сотрудничество судебных служащих с советской властью.

Еще одной новацией, обусловленной военным противостоянием с Грузией на Черноморском побережье, а также явным стремлением Кубанской области сохранить свой автономный статус в отношении командования ВСЮР, стало учреждение в Новороссийске Черноморского окружного суда. В Екатеринодаре действовал окружной суд, формально также подчиненный Новочеркасской судебной палате. Краевая Рада настаивала на самостоятельности суда даже в кассационных моментах и планировала открытие собственной судебной палаты. Кубань не признала верховенства Сената в Новочеркасске, хотя, например, чины прокурорского надзора в Екатеринодаре постоянно отчитывались перед прокурором в Новочеркасске и не считали себя зависимыми от ведомства юстиции краевого правительства. Черноморский суд начал работу в мае 1919 г. и заявил о своем подчинении Новочеркасской палате.

Управление юстиции согласилось также с ходатайством правителя Осетии о выделении в крае отдельного мирового округа и съезда мировых судей. Мировыми судьями стали осетины с высшим юридическим образованием, а председателем съезда стал бывший судебный следователь Владикавказского окружного суда. Схожий мировой съезд был создан также для Калмыцкого округа в составе Астраханской губернии, став альтернативой местному национальному суду «Зарго». Предполагалось создание при Главноначальствующих области особого судебного присутствия (по делам народно-судебным для второй инстанции), а также областного — в качестве кассационного и административно-судебного (по делам о судебной ответственности должностных лиц)⁹.

Показательно решение по разграничению компетенций краевых, региональных и общероссийских судебных органов в условиях формирования новой системы государственного управления на Юге России. Что касается Войска Донского, то специальная Комиссия (работала с 9 по 12 августа 1919 г. в Новочеркасске), в которую вошли Первоприсутствующий Второго Департамента Сената А. А. Чебышев, прокурор Новочеркасской судебной палаты Н. С. Ермоленко, член палаты А. А. Казьмин и Председатель Новочеркасского съезда мировых судей С. Д. Воробьев, составила особое Заключение, согласно которому «к предметам ведения Законодательных учреждений Войска Донского» относились все вопросы избрания, назначения мировых судей, а также порядка судопроизводства в этих низовых структурах. По мнению Чебышева, следовало также ограничить практику расширения состава магистратуры Судебной Палаты и создания новых судебных палат: «...увеличивать же без достаточного основания число Судебных Палат, ограничивая их округ двумя, тремя судами, противоречило бы задачам высшей — второй — Судебной инстанции и бесцельно обременяло бы бюджет». Самостоятельность донской юстиции была существенно ограничена и в вопросах гражданского права, так как, по оценке авторов Заключения, нельзя было ограничивать права частной собственности на землю: «Идти дальше, в смысле еще большего расширения прав и еще большей обособленности Автономной Области в сфере гражданского права, значило бы идти против требований науки и жизни. И теоретически, и практически нельзя допустить уклонения от единства основных норм гражданского права на всей территории государства не только единого, но даже и союзного (федеративного)... Поэтому основные положения гражданского права, а в том числе, и даже прежде всего, — основные положения права на землю, — не могут быть изъяты из ведения общегосударственного законодательства. Удовлетворить и умиротворить население может разрешение коренных вопросов о земле только в общегосударственном (если не в общеевропейском) масштабе. Таким образом, с точки зрения науки, правильнее было бы даже краевые особенности в этой сфере прав устанавливать путем общегосударственного законодательства».

Не остался в стороне Правительствующий Сенат и в отношении проблемы разграничения полномочий всероссийского центра и региональных властей. Заключение южнорусских юристов гласило: «Сомнения относительно предметов ведения, пределов власти и порядка действий учреждений Войска Донского в их отношениях к органам общегосударственной власти и обратно разрешаются Особым Присутствием Правительствующего Сената». Его «временный» состав должен был включать пятерых сенаторов: Первоприсутствующего и по одному сенатору от каждого Департамента. Предполагалось также, что «сверх сего, в означенном присутствии участвуют с правом совещательного голоса: особый представитель той автономной области и главный представитель того ведомства, в среде коих возникло сомнение»¹⁰.

Еще более четко суверенитет судебной вертикали в ее всероссийском значении провозглашался в 1919 г. в белой Сибири. Структурой, легализующей законодательные акты белой власти, мог стать Правительствующий Сенат. Вот как определял значение Сената ординарный профессор гражданского права Томского

университета В. А. Рязановский: «Правительствующий Сенат крайне необходим и как орган обнародования и хранения законов, ибо дефекты в обнародовании законов, и тем более отсутствие авторитетного органа обнародования, колеблют значение законов и подрывают авторитет власти, их издающей... Сенат необходим и как орган высшего надзора — “в порядке управления и исполнения”, отсутствие такового надзора ведет к злоупотреблениям власти... Сенат необходим и как верховный кассационный суд, и как высший административный суд; таковые суды в системе государственно-правовой жизни представляют серьезные гарантии соблюдения субъективных (публичных и частных) прав граждан»¹¹.

Первоначально высшей кассационной инстанцией в Сибири была Омская судебная палата. 7 сентября 1918 г. Временное Сибирское правительство санкционировало создание Высшего Сибирского Суда, введение которого объяснялось «крайней потребностью в высшей кассационной инстанции для сибирского суда». Законопроект министерства юстиции предусматривал создание структуры по образцу Учреждения Правительствующего Сената со следующими изъятиями. Сибирский Суд должен был состоять из трех департаментов: административного («для всех предметов и дел административного ведомства») и двух кассационных («для высшего кассационного разбирательства дел судебных — гражданских и уголовных»). При необходимости могли созываться также Общее собрание административного и кассационного департаментов и Высшее дисциплинарное присутствие. В Сенат допускались представители городского и земского самоуправления. Данные представители избирались городскими думами и земскими собраниями, а не назначались. «Демократизация» кадрового состава и очевидная нехватка специалистов судебного ведомства обусловили изменение принципов членства в Кассационных и Административном департаментах. Членами Кассационных департаментов назначались не только чины «не ниже V класса и прослужившие в судебном ведомстве 10 лет», но и те, кто «состоял в течение того же срока в звании присяжного поверенного», «имел ученую степень магистра или доктора римского, гражданского и уголовного права» или 10 лет «занимался преподаванием в высших учебных заведениях римского, гражданского, торгового, уголовного права, гражданского или уголовного судопроизводства». А в Административный департамент могли назначаться «прослужившие не менее 10 лет по выборам земских и городских самоуправлений», «имеющие степень магистра или доктора государственного, административного или полицейского права» либо преподаватели данных дисциплин с 10-летним стажем. Военная юстиция (военно-окружные суды Сибири, прифронтовые суды) подчинялась Высшему суду¹².

Установление власти Российского правительства во главе с Верховным Правителем России, создание единой Всероссийской власти потребовало перемен в деятельности судебных структур. Постановлением от 24 декабря 1918 г. Российское правительство отменяло прежние постановления ВСП о Высшем Сибирском Суде¹³. Взамен него в Омске создавались временные присутствия Первого и двух кассационных (по уголовным и по гражданским делам) департаментов Правительствующего Сената. В основе своей новый проект повторял положения проекта о Высшем сибирском суде. Первый департамент, возглавляемый Первоприсутствующим (самим премьер-министром Вологодским), осуществлял

надзор за правительственным аппаратом, обнародованием законов, разрешением межведомственных конфликтов и рассматривал жалобы на административные учреждения. Ему передавались также функции бывшего Второго («крестьянского») департамента, ведавшего рассмотрением жалоб на местные учреждения и вопросами поземельного устройства крестьян, бывшего Третьего («Герольдии»), регулировавшего имущественные права граждан, и бывшего Четвертого («судебного») департаментов Правительствующего Сената Российской империи. При Сенате создавались также Временное особое присутствие по отчуждению недвижимых имуществ в государственную и общественную пользу и Высшее дисциплинарное присутствие для расследования должностных правонарушений в судах. Поскольку полностью восстановить деятельность Сената не представлялось возможным, была принята форма Временных присутствий, причем их работа регламентировалась на основании Учреждения Правительствующего Сената от 30 мая 1917 г. и судебных уставов 1864 г.

Омские Временные присутствия состояли не только из опытных юристов, бывших сотрудников Сената, но и из новых «сенаторов по назначению». Штаты увеличивались: 1-го департамента на 7, а уголовного и гражданского кассационных — на 6 чел. Этим компенсировался характерный для востока России недостаток кадров соответствующей квалификации (сенаторами 1-го департамента стали, например, бывшие члены Государственного Совета, оказавшиеся в Сибири, — А. Н. Шелашников и Ю. В. Трубников, присяжный поверенный С. Ф. Петров, управляющий делами Совета министров Г. Г. Тельберг, делегат Временного Правительства Северной области князь И. А. Куракин). Профессор Казанского университета барон А. А. Симолин, бывший вице-директор 1-го департамента министерства юстиции И. Лаженицын вошли в Гражданский кассационный департамент. Председательствующим Гражданского кассационного департамента был назначен бывший петербургский присяжный поверенный В. Н. Новиков, а Уголовного кассационного — бывший прокурор Омской судебной палаты А. К. Висковатов¹⁴. При этом из Сената исключались представители земского и городского самоуправлений, входившие ранее в состав Высшего Сибирского Суда, что, по мнению Управляющего делами правительства Г. К. Гинса, свидетельствовало о «губительном рабском подражании петроградским образцам»¹⁵. Но, по оценке С. П. Руднева (члена Совета при министерстве юстиции), персональный состав Сената был достаточно профессиональным и по сибирским, и даже всероссийским меркам¹⁶.

Временные присутствия Правительствующего Сената торжественно открылись в Омске 29 января 1919 г. Примечательна речь Верховного Правителя, произнесенная перед принесением присяги на верность Российскому государству. В ней говорилось о важности восстановления правового государства, несмотря на стихию войны. Колчак отмечал идею правопреемственности Сената.

Завершающим актом торжественного открытия Сенатских присутствий, актом, призванным подтвердить идею легитимности Российского правительства, стало принесение присяги «на верность закону и Государству Российскому» Верховным Правителем, членами Совета министров и товарищами министров. Высокопреосвященный архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр привел Правителя и членов правительства к присяге, вручив тексты присяги на хранение

в 1-й департамент, благословив сенаторов иконой Спаса Вседержителя «древнего письма». Так символично обозначалось единство власти Духовной и власти светской — Правительства и Православной Церкви¹⁷.

Однако при организации судебной системы значительные трудности представляли кадровые вопросы. На белом Юге даже служившие у большевиков (если только они не соучаствовали в общеуголовных преступлениях) возвращались к своей прежней работе, а выборные, но не утвержденные Сенатом (мировые судьи по закону Временного правительства) временно утверждались приказами Деникина и после этого начальником управления юстиции. Поскольку невозможно было созвать полный состав судов присяжных, то в качестве временной меры было принято решение о сокращении числа присяжных заседателей с 12 до 6. И хотя использовались списки присяжных в последней (1917 г.) редакции, призвать их всех к исполнению обязанностей было трудно. Значительный дефицит ощущался при замещении вакантных мест прокурорского надзора, мировых судей и, особенно, судебных следователей. Недостаток мировых судей восполнялся за счет избранных органами местного самоуправления в 1917 г., хотя, по оценке Челищева, их образовательный и служебный ценз был весьма неудовлетворителен. Общее число мировых участков было также сокращено. И в Сибири, и на Юге пересматривались нормы ответственности по решениям мировых судов. В связи с инфляцией и обесценением рубля были увеличены штрафные санкции, налагаемые судами.

Судебные следователи в условиях Гражданской войны и тыловой разрухи, по мнению главы Управления юстиции, «обрекали себя на мученичество». «Следователь помнил муки, которые ему приходилось переживать в последний период Временного правительства, когда он бился с вызовами в камеру свидетелей и обвиняемых, как рыба об лед, ибо милицейский аппарат работал плохо, как трудно было доехать на место преступления за недостатком средств на руках и дороговизны оплаты лошадей. При восстановлении судебных органов не могло быть лучше: аппарат полиции создавался с трудом...

Но всего хуже была обстановка, в которой приходилось работать. Преступлений была масса, сведения о них поступали с опозданием, а найти преступника было почти невозможно, ибо свидетели боялись говорить правду, не уверенные в том, что власть, как в нормальное время, защитит их от тех, против кого оставят показания. К этой неуверенности в потенциях власти существующей присоединялся еще страх перед возможностью возвращения большевиков, а следовательно, уже перед бесспорной опасностью мести со стороны преступников и их близких.

И надо сказать, что судебные следователи фактически могли работать по преступлениям, совершаемым в городах, где были их камеры, и в местах, лежащих на линии железных дорог, ибо проникать вглубь участков и в местности более отдаленные не было физической возможности.

С той же боязнью говорить правду, изобличающую преступника, сталкивались и суды, и теперь, более чем когда-либо, судебное следствие сталкивалось с отказом свидетелей подтверждать свои показания, данные на предварительном следствии, со ссылкой на «запамятование» или категорическим заявлением: «знать не знаю, ведать не ведаю».

Это явление, впрочем, наблюдалось весьма часто и в нормальное время и, конечно, оно могло находить объяснение вовсе не в стремлении поощрять преступление, не в сочувствии к преступнику или преступлению, а просто в боязни за себя и в отсутствии развитого правового чувства, каковое отсутствие несомненно было следствием так еще недавно закончившейся полосы бесправия (крепостного права. — *В. Ц.*)... Те судебные деятели, которые самоотверженно пришли по призыву Добровольческой армии и отдали свои силы в попытках восстановления России, показали себя достойными сынами Родины, и многие из них легли костьми, не попав в число эвакуированных», — вспоминал позднее Челищев¹⁸.

В Сибири, где штатные расписания судебных органов не пересматривались с 1897 г., недостаток служащих восполнялся за счет беженцев из поволжских и центральных губерний, имевших опыт судебной работы или, как минимум, высшее юридическое образование. Как и на Юге, работа в суде в условиях Гражданской войны была очень сложной. Так, по сообщениям из Минусинского и Канского уездов Енисейской губернии, «судьи не пошли на службу к большевикам... судебное ведомство — единственное из всех ведомств, которое стойко держалось до самого падения советчины в Сибири, подвергаясь всяким лишениям, гонениям, мукам и голоду... В местах, где действовала советская власть... и где революционные трибуналы, отобравшие все дела у судей и запутавшие все правовые отношения крестьян своими постановлениями, судьям приходится разбираться в целой массе кляуз, дознаний и исковых требований, благодаря чему затрудняется текущая работа. Тяжесть труда наличных судей усугубляется тем, что много участков остаются незанятыми. Так, например, в Енисейском уезде на пять участков на расстоянии более тысячи верст, имеется два судьи»¹⁹.

Изменялась и судопроизводственная практика. Челищевым в основу характеристики советских судов и ревтрибуналов были положены два критерия: «1) советская власть есть порождение бунта, прервавшего закономерное развитие событий, освященных народной волей, почему весь созданный ею порядок во всех отраслях государственной машины не имеет юридического характера, а есть фактическое состояние, аннулированное де-факто падением большевистской власти; 2) по существу своему органы советского правосудия и по устройству своему (часть судостроительная), и по отсутствию норм для функционирования (судопроизводственная часть) представляются глумлением над всем тем, что признается незыблемой истиной в сфере осуществления правосудия у всех цивилизованных народов, почему все действия этих учреждений не могут и не должны иметь силы судебных действий и подлежат аннулированию»²⁰.

Важной проблемой было восстановление уничтоженных в революционные годы дел по гражданскому и уголовному судопроизводству, а также завершение тех дел, которые велись советскими судами. Постановлением Особого Совещания был закреплен принцип возобновления дел гражданской юрисдикции по заявлениям заинтересованных сторон (подачи исковых прошений). Детально расписывались пункты, из которых должно было состоять прошение. Судебные органы могли проводить проверки, представленных сторонами доказательств ведения дела. О восстановлении дел объявлялось через номера местных Губернских ведомостей.

Уничтоженные «духовные завещания» могли восстанавливаться. За намеренное искажение фактов судопроизводства предусматривались наказания.

Все решения по уголовным делам, вынесенные советскими народными судами, подлежали пересмотру, а текущее уголовное судопроизводство продолжалось решениями прокурорского надзора. На тех же принципах происходило восстановление судопроизводства на Дону. «Судебные следователи, мировые судьи, съезды мировых судей, окружные суды и судебная палата по всем уничтоженным (до установления советской власти. — В. Ц.) делам приступают к восстановлению производства по имеющимся у них или поступающим к ним сведениям... дела частного обвинения восстанавливаются лишь на основании просьбы о том стороне. Просьбы об этом могут быть заявлены только в течение трех месяцев со дня фактического возобновления данного судебного учреждения... Дела, находящиеся в производстве судебных следователей, восстанавливаются сими последними или непосредственно (хотя бы по памяти), или по предложениям прокурорского надзора и просьбам участвующих в деле лиц». При невозможности восстановления уголовных дел об этом следовало составить особое постановление судебного следователя, мирового судьи или съезда. По делам, в отношении которых еще не было вынесено приговора, должно было производиться новое предварительное следствие, а уже вынесенные, но не исполненные приговоры восстанавливались «по памяти или на основании сохранившихся копий, выписок и т. п.». Показательно, что в случаях, когда было невозможно «с точностью определить назначенный подсудимому срок наказания, таковой определялся в наименьшем по закону размере»²¹.

Основные принципы ведения судебных процессов остались прежними, однако теперь требовалось выносить приговоры более скоро, хотя бы и «в ущерб строительному и продуманному плану процесса по судебным уставам». Об этом шла речь на созванном в ноябре 1919 г. по инициативе Управления юстиции в Ростове-на-Дону Юридическом Совещании. В его работе участвовали «испытанные и известные своей опытностью и знаниями» представители окружных судов, председатели судебных палат и съездов мировых судей, а также члены Юрисконсультской части Управления юстиции. В результате совместных заседаний было решено предложить на утверждение деникинскому правительству упрощенную процедуру предварительного следствия, в частности за счет сокращения числа опрашиваемых свидетелей, упрощения формы опроса, составления следственных протоколов. Однако эти предложения так и не были реализованы из-за начавшегося отступления ВСЮР, эвакуации Ростова и последующего упразднения правительства²².

В судебной системе Белого движения большую роль играла работа структур военной юстиции. Структура военной юстиции, восстановленная на белом Юге, в целом повторяла всероссийские структуры, существовавшие до 1917 г. Главный военно-морской прокурор занимал также должность Начальника Военного и Морского судного отдела Военного управления и, таким образом, соответствовал генерал-прокурору Правительствующего Сената и начальнику Управления юстиции в «гражданской юстиции», объединяя и прокурорские, и административные полномочия. Главный Военный и Военно-Морской Суд выполнял роль «военного Сената». Военно-окружные суды, распространявшие свою компетенцию на

военные округа, с точки зрения охвата территории соответствовали судебным палатам, а существовавшие при каждом армейском корпусе корпусные суды соответствовали окружным судам.

Отличительной особенностью устройства военной юстиции, вызванной условиями Гражданской войны, стало чрезмерное усиление роли военно-полевых судов. Их создание, по оценке правоведов того времени, стало общепринятым явлением. Низовой военный суд становился, по существу, единственным для местностей, объявленных на военном положении, или прифронтовых районов. Его состав включал председателя («из офицера, преимущественно с юридическим образованием») и двух членов (также офицеров, но уже не обязательно причастных к юстиции). Военно-полевой суд утверждался приказом самого воинского начальника и полностью от него зависел. В 1918–1919 гг. эти категории судов могли работать длительное время, хотя по принятым еще в Российской империи нормам «военного положения» он должен был собираться только для рассмотрения конкретных преступлений.

Круг рассматриваемых военно-полевыми судами дел был весьма широк. Здесь были преступления как воинские (дезертирство, грабежи, разбои, кражи, убийства), так и имущественные (спекуляция, скупка-продажа предметов военного обмундирования и снаряжения и т. д.). Кубанское краевое правительство включало в ведение вопросов чрезвычайной военной юстиции также и «посягательство на изменение установленного в Кубанском Крае образа Правления». Хотя военно-полевые суды не предусматривали проведения предварительного следствия и должны были собираться лишь тогда, когда «учиненное преступление совершенно очевидно, не требует никакого расследования и по характеру своему вызывает необходимость в безотлагательной и примерной репрессии», в ряде регионов они работали фактически постоянно. Репрессии, налагаемые военно-полевыми судами, предусматривали «лишение всех прав состояния и смертную казнь через расстрел», а при условии «смягчающих вину обстоятельств» суд мог назначить по своему усмотрению наказание в виде каторжных работ от 4 до 20 лет, с лишением всех прав состояния²³.

Подобная роль военной юстиции диктовалась именно отсутствием в целом ряде регионов юстиции гражданской. «Гражданские судебные установления возникли со значительным опозданием, много спустя после занятия той или другой местности... Эти учреждения, привыкшие работать в условиях и в обстановке мирного времени... не могли угнаться за лихорадочным темпом жизни в период Гражданской войны... Между тем жизнь настоятельно требовала именно такого суда, скорого и близкого к населению». Но на практике прямая зависимость от своего командира, отсутствие «должной юридической подготовки», неоправданное доверие стали главными причинами усиления произвола, бесправия, многочисленных нарушений имущественных прав и гражданских свобод местного населения²⁴.

Эпилогом так называемого деникинского периода в истории судебной вертикали белого Юга стало санкционированное Правительствующим Сенатом решение о передаче высшей военной и гражданской власти Главнокомандующего ВСЮР от Деникина генерал-лейтенанту П. Н. Врангелю. Были санкционированы последний Приказ Деникина (№ 2899 от 22 марта 1920 г.) и первый Приказ

Врангеля в должности Главкома (№ 2900 от 22 марта 1920 г.). Это стало важным формальным действием. Сенат признавался «хранителем законов» и их высшим «толкователем». Теперь на основании двух Приказов Общее собрание Сената должно было вынести правовое утверждение власти нового Главнокомандующего. Указ Правительствующего Сената от 24 марта 1920 г. был сформулирован в традиционных нормах. «Именем Закона», «всем подчиненным ему присутственным местам и должностным лицам и во всеобщее сведение» заявлялось, что «Промыслом Божиим предначертано новому Главнокомандующему стать во главе воинских сил и гражданского управления в исключительный по важности исторический момент». В условиях тяжелого положения на фронте и в тылу Врангелю предстояло «отстоять оплот русской государственности на Крымском полуострове». Принципиально важным для определения полномочий Главкома была фраза о том, что «новому народному вождю... отныне принадлежит вся полнота власти, военной и гражданской, без всяких ограничений». Указ был подписан обер-секретарем П. Мезенцевым и заверен помощником обер-секретаря С. Бубелем-Яроцким²⁵.

Таким образом, восстановление и формирование судебной системы было важным элементом функционирования белой власти. В условиях войны и при острой нехватке квалифицированных кадров это восстановление происходило максимально ускоренно и в максимально упрощенных формах (назначение судебных служащих взамен выборов, корректировка гражданского и уголовного процесса в сторону ускоренного вынесения судебных вердиктов, сочетание следственных и судебных функций и т. д.). Упрощение судопроизводства не должно было тем не менее идти в ущерб сложившимся еще с 1864 г. принципам работы судебных структур. Одной из существенных проблем функционирования судебной системы и на белом Юге, и в Сибири было отсутствие четких разграничений компетенции военной и гражданской юстиции, недопустимое (в мирное время) следование нормам чрезвычайной обстановки. На это неоднократно обращалось внимание в сенатских заключениях, издававшихся в Новочеркасске и в Омске, об этом говорилось в выступлениях, докладных записках, публиковавшихся в белой прессе. Однако преодолеть подобные коллизии было весьма сложно, и на протяжении всех лет «русской Смуты» военные структуры диктовали свои решения, нередко с нарушениями законности и произвольным толкованием тех или иных правовых ситуаций.

* Публикация подготовлена по результатам проекта № 33.12891.2018/12.1 «Подготовка и выпуск многотомного издания “История России”», выполняемого ГВУ в рамках государственного задания Минобрнауки России.

¹ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 г. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2009. С. 83–95, 95–113.

² Лубков А. В., Цветков В. Ж. Белое дело в России. Его программа и вожди. М., 2003.

³ Приводится по: A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile of China. The diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925. Stanford, 2002. Vol. 1. P. 79–81.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. № 2. 18 июля 1918. Ст. 6–8; № 4. 2 августа 1918. Ст. 36–37.

⁵ Там же.

- Л. 3.
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 193. Оп. 1. Д. 20.
- ⁷ Там же. Ф. 6611. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–18.
- ⁸ Там же. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 214. Л. 10.
- ⁹ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 30–32, 36–37; Д. 4. Л. 48–49.
- ¹⁰ Там же. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 37. Л. 9–10 об.
- ¹¹ Правительственный вестник (Омск). 1919. № 232. 11 сент.
- ¹² Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. № 10. 14 сентября 1918. Ст. 97.
- ¹³ Правительственный вестник (Омск). 1919. № 37. 3 янв.
- ¹⁴ Руднев С. П. При вечерних огнях. Харбин, 1928. С. 255–256.
- ¹⁵ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. Т. 2. С. 113–114.
- ¹⁶ Руднев С. П. При вечерних огнях. С. 260–261.
- ¹⁷ Правительственный вестник (Омск). 1919. № 57. 31 янв.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 6611. Оп. 1. Д. 2. Л. 32–45.
- ¹⁹ Сельская жизнь (Красноярск). 1919. № 28. 12 июля.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 6611. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–23.
- ²¹ Правила о восстановлении производившихся в порядке гражданского и уголовного судопроизводства судебных дел общей и мировой подсудности, уничтоженных во время господства советской власти. Ростов/Д., 1919. С. 2–13.
- ²² ГАРФ. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 37. Л. 9–10 об.
- ²³ Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1921. С. 30–32.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 6611. Оп. 1. Д. 2. Л. 49–49 об.
- ²⁵ Врангель П. Н. Записки, ч. 2 // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. VI. Берлин, 1928. С. 23–24.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Цветков В. Ж. Судебная вертикаль власти в политико-правовой системе Белого движения: особенности организации гражданской и военной юстиции в 1918–1920 гг. // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8. № 2. С. 294–307.
УДК 94(47).084.3

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы формирования судебной системы белых правительств Юга России и Сибири в 1918–1920 гг. Восстановление судебной власти, определение ее статуса в изменившихся условиях революции и Гражданской войны стали важнейшими направлениями политического курса российского Белого движения — Белыми правительствами провозглашалось восстановление принципов судебной реформы 1864 г. В статье анализируются вопросы, связанные с восстановлением деятельности судебных органов на различных уровнях: от Правительствующего Сената до местных судебных органов. Отмечены отличительные особенности функционирования судебной системы в условиях военных действий, региональная правовая специфика. Автор показывает, что восстановление и формирование судебной системы были важными элементами функционирования белой власти. Однако в условиях войны и при острой нехватке квалифицированных кадров это восстановление происходило максимально ускоренно и в максимально упрощенных формах. Одной из существенных проблем функционирования судебной системы и на белом Юге, и в Сибири было отсутствие четких разграничений компетенции военной и гражданской юстиции, а также недопустимое в мирное время следование нормам чрезвычайной обстановки. На это неоднократно обращалось внимание в сенатских заключениях, издававшихся в Новочеркасске и в Омске, об этом говорилось в выступлениях, докладных записках, публиковавшихся в белой прессе. Однако преодолевать подобные коллизии было весьма сложно, и на протяжении всех лет «русской Смуты» военные структуры диктовали свои решения, нередко с нарушениями законности и произвольным толкованием тех или иных правовых ситуаций.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, судебная система, Юг, Сибирь, Белое движение, А. И. Деникин, А. В. Колчак, П. Н. Врангель

Сведения об авторе: Цветков В. Ж. — доктор исторических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия); tsvetcov@rambler.ru

FOR CITATION

Tsvetkov V. Zh. 'The Judicial "Vertical of Power" in the Political and Legal System of the White Movement, 1918–1920, Civil and Military Justice', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 2, pp. 294–307.

Abstract: The article considers the formation of judicial system of the white governments of the Southern Russia and Siberia in 1918–1920. The restoration of the judiciary, the determination of its status in the changed conditions of the Russian Revolution and the Civil War became the most important direction of the policy of the Russian White movement. White governments proclaimed the restoration of the principles of the judicial reform of 1864. The article analyzes the issues related to the activities of the judiciary at various levels: from Government Senate to the local judiciary. The author describes the problems of the functioning of judicial system in the conditions of military operations as well as regional legal specificity. The restoration and formation of the judicial system was an important element of the functioning of the white power. However, in the conditions of war and with an acute shortage of qualified personnel, the legal system was restored as quickly as possible and in the most simplified forms. One of the significant problems of the functioning of the judicial system in both the White South and Siberia was the lack of clear delineation of the competence of military and civil justice, as well as the unacceptable adherence to the norms of the "emergency situation" in peacetime. This was repeatedly pointed out in the Senate conclusions published in Novocherkassk and Omsk, this was mentioned in speeches, memoranda, published in the white press. However, it was very difficult to overcome such conflicts, and throughout the years of the "Russian Troubles", military structures dictated their decisions, often with violations of the rule of law and arbitrary interpretation of certain legal situations.

Keywords: Civil war, Russia, Judicial System, South, Siberia, White movement, A. I. Denikin, A. V. Kolchak, P. N. Wrangel.

Author: Tsvetkov V. Zh. — Doctor of History, Professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia); tsvetcov@rambler.ru

References:

- A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile of China. The diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925 (Stanford, 2002).
- Chubinskiy M. P. *Krizis prava i morali* (Rostov-on-Don, 1919).
- Gins G. K. *Sibir, sojuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoj istorii. 1918–1920 gg. (Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitelstva)* (Beijing, 1921).
- Lubkov A. V., Tsvetkov V. Zh. *Beloe delo v Rossii. Ego programma i vozhdii* (Moscow, 2003).
- Pravosudie v vojskakh generala Vrangelija* (Constantinople, 1921).
- Rudnev S. P. *Pri vechernikh ognjakh* (Harbin, 1928).
- Tsvetkov V. Zh. *Beloe delo v Rossii. 1919 g. Formirovanie i evoljucija politicheskikh struktur Belogo dvizhenija v Rossii* (Moscow, 2009).
- Vrangel P. N. 'Zapiski, ch. 2', *Beloe delo. Letopis beloy bor'by*, Vol. VI (Berlin, 1928).